

РУССКИЕ ЭТИМОЛОГИИ. I

(*ликоваться, снацьливый, невенный, тоща, ргаться, недоскитить, пища*)

ликоваться

В похоронных плачах, записанных Е. В. Барсовым в быв. Оло-нецкой губернии, содержится много архаичной лексики, давно вышедшей из употребления. Таково, на наш взгляд, слово *ликоваться* в следующем тексте:

«Ты смотрела ли, горющица победная,
Как душа да с белым телом *ликовалася*,
В друго светло как живленьице справлялася»

(Плач по сыне) ¹

Барсов дает примечания к слову *ликоваться*: «с предсмертными мучениями боролась». Это толкование мне представляется не совсем точным, здесь скорее значение 'разлучаться, расставаться'. Можно предположить, что данный глагол идентичен глаголу *ликоваться* 'приветствовать друг друга, прикладывая щеку к щеке (в монашестве)', но по говорам последний получил иное семантическое развитие 'целоваться, любезничать, ласкаться', что трудно совместить с данным контекстом. В качестве очень осторожной гипотезы можно высказать мысль о том, что глагол *ликоваться* 'расставаться' является архаичной лексемой, отражающей уникальную для славянских языков огласовку индоевропейского корня *leik-'оставлять'. Этот корень, широко представленный в древнеиндийском, армянском, греческом, латинском, древнеисландском, готском и балтийских языках, в славянских языках отражен только в огласовке *loik-' в ст.-слав. отглткз 'остаток', др.-русс. олѣкъ 'часть улья' и, возможно, в чеш. *liknovati se*.

Слово *блек* относится к лексике, уходящей из языка. Уже в Древней Руси оно употреблялось только как бортнический термин и не имело отвлеченного значения 'остаток'. Ср. в «Русской Правде» Владимира *олекъ* 'подрезанный улей' (?): «Аже борть подьтнеть, то $\bar{г}$ (гривнѣ) продаже... а за медь, ω же боудоуть бчелы не лажены, то $\bar{г}$ кунь, боудеть ли ω лекъ, то $\bar{е}$ коунъ»².

По говорам *блек* м. 'соты, в которых детка насижена, но еще не вывалилась' (Костром. Нерех.)³; *блек* или *подбой* — самая

¹ Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым, ч. I. М., 1872, стр. 94.

² Срезневский II, стб. 658—9.

³ Опыт, стр. 140.

голова в борти, пустота выше должен, самый почин сотов⁴. На Украине и в Белоруссии слово ограничено территорией Полесья: *бл'ок* 'потолок борти, внутренней части долбленного улья'⁵; *бл'ек*, *вбл'ек*, *вбл'еко* ср. р., *вблик* 'часть пустого пространства улья-колоты от верхнего края должен до верху'⁶.

Старославянизм *отлѣкъ* для русских был непонятен и в ряде памятников заменен словами: *останокъ*, *остатокъ*, *ѿ избытка* и. д. Существование древнерусского *лѣкъ* 'остаток', по-видимому, результат ошибочного чтения. Слово отмечено дважды в одном тексте в сочетании *ѿтъ лѣкъ*, где понимание *ѿтъ* как предлога только нарушает смысл. Ср.: «Насытитишася снѡвъ и оставиши ѿтъ лѣкъ младенцемъ своимъ. . .» (Псалт. толк. XII в. 4)⁷. Перед нами одно слово *ѿтълѣкъ* 'остаток'.

В диалектах сербохорватского языка сохранилось *лѣк*, *лѣк* 'малая часть чего-л'. < праслав. **лѣкъ*⁸.

Таким образом, основа **лѣк-* представлена только в южнославянских и восточнославянских языках и выявляется в лексике, уходящей из языка.

Глагол *ликоваться*, сохраняющий огласовку **lik-* и архаичное значение 'расставаться, разлучаться', позволяет реконструировать для праславянского три лексемы с этим корнем: *лѣкъ, *отлѣкъ и *likovati ср. Вполне возможно, что *ликоватися* является модернизацией более старой формы глагола *likti, ср. лит. *likti* 'оставлять'.

Однокоренные индоевропейские лексемы нередко выступают в сходных текстах. Мы видим повторение текста в русском северном плаче: «душа с белым телом *ликовалася*» и у Гомера: «*ψυχή λέλοιπε*» — «жизнь (душа) оставила его».

спацьливый

В тех же причитаниях, собранных Барсовым, несколько раз встречается слово *спацьливый* 'ласковый, заботливый, обходительный'. Например:

«Подойдите-тко сиротны малы детушки
Вы ко этой колоде белодубовой,
Вы ко *спацьливу* родителю ко батюшку. . .»
«Он *спацьливый* до сердечных был родителей. . .»⁹

Г. Куликовский записал в Заонежье и на Выгозере *упѣцливый*, *упѣчливый* 'падкий до чего-либо, ухаживающий, льстящий,

⁴ Даль³ II, стб. 1735.

⁵ Лексика Полесья, стр. 325.

⁶ Лекс. атлас Правобережного Полісся.

⁷ Срезневский II, стб. 71.

⁸ И. П. Петлева. Праславянский слой лексики сербохорватского языка I. «Этимология 1968». М., 1970, стр. 152.

⁹ Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым, ч. I. М., 1872, стр. 11, 106. — Барсов связывает это прилагательное с глаголом *спахнуться* 'спохватиться', но такая этимология не может быть принята в связи со звуковыми расхождениями слов.

угодливый, услужливый'¹⁰. В других говорах это слово не отмечено, в научной литературе не упоминается.

Перед нами прилагательное с суффиксом *-лив-*, предполагающее производящую глагольную основу, ср. *угодливый, услужливый, молчаливый* и т. д. Исходными можно предположить две префиксальные формы от глагола **начить* (**спачить, *упачить*). Этот глагол мы обнаруживаем в псковско-новгородских говорах: *пáчить* 'услуживаться, подлещиваться' (псков., твер.): «Не *пачьте!*» — не беспокойтесь, не трудитесь; *пáчиться* то же¹¹; *пáкать* 'угождать' (новг.)¹²; *пáкать* 'часто навещать кого-л.' (новг.), 'угождать' (псков., твер.)¹³; *запáкать* 'начать ладить, соглашаться, делать и мыслить заодно' (псков., твер.)¹⁴.

Перед нами глагол, отсутствующий в украинском и белорусском, но достаточно широко представленный в других группах славянских языков: ср. польск. *raczyć* 'коробить, искривлять', чеш. *pačiti* 'выворачивать, выламывать', диал. 'вспоминать'; н.-луж. *racuś* 'поднимать', 'сдвигать весельным шестом', в.-луж. *pačić* 'поддевать, поднимать (ломом)', 'колоть, расщеплять', с.-хорв. *páčiti* 'вредить, мешать, препятствовать', словен. *páčiti* 'искажать, портить, мешать'. Праславянский глагол **pačiti* — результат депревербализации, исходной была форма **opačiti*, образованная от наречия **opakъ* 'обратно, назад', 'наоборот'¹⁵. Это значение наречия нашло отражение в семантике глаголов **opačiti, *pačiti* в западнославянских и южнославянских языках. Но уже в праславянский период у наречия **opakъ* развивается значение 'опять, вновь, еще', сравнит. ст. **rače* 'больше, лучше', 'еще, сверх'. Ср. в русских колымских говорах: *паче* 'сильнее, больше' «*Паче* прежнего к ней припадет»¹⁶. Именно это значение получило свое развитие в русском диалектном *пáчить* 'угождать', *спáчливый* 'заботливый'. Формальные отношения **opakъ* 'опять, еще' и **(o)pačiti* 'угождать' аналогичны отношениям **tako* и **potakati*.

невенный

В причитаниях, собранных Барсовым, среди лексики, записанной им в быв. Олонецкой губ., встречается слово *нёвенный* 'худой'. Текст отсутствует. Это слово не фиксируется в диалектных и исторических словарях. Тем не менее, оно привлекало внимание этимологов. А. Погодин говорит о возможности огласовки *-ев-* в гнезде **навъ* и родственных и приводит в качестве до-

¹⁰ К у л и к о в с к и й, стр. 124.

¹¹ Дополнение к Опыту, стр. 174.

¹² Картотека Новгородского ГПИ.

¹³ Опыт, стр. 151.

¹⁴ Дополнение к Опыту, стр. 60.

¹⁵ S k o k III, стр. 558—559; M a c h e k 2, стр. 425; B r ü c k n e r, стр. 380.

¹⁶ Б о г о р а з, стр. 104.

казательства слово *нёвенный*¹⁷. Г. А. Ильинский сравнивал *невенный* с болг. *невен*, с.-хорв. *нёвен* 'ноготок', но последние образованы от глагола *вянуть*. М. Фасмер отвергает оба сопоставления и высказывает мысль, что *невенный* образовано от глагола *веять*¹⁸.

Сложность заключается в изолированности слова и в отсутствии контекста. Даже семантика остается не выясненной до конца. Если 'худой' употреблено в данном случае в значении 'плохой' и слово *нёвенный* выступало в таких сочетаниях, как *невенный хлеб*, *невенный ячмень*, то прав Фасмер, и перед нами причастие от архаичной формы глагола *веять* — *веть* (< *věti). Подтверждением этой этимологии может служить сохранившийся в северновеликорусских памятниках термин *невеница* 'неваянная рожь'.

Если же слово 'худой' употреблено в значении 'тощий (о человеке)', то можно предложить иное этимологическое решение. Слово *невенный* можно рассматривать как причастие от незасвидетельствованного глагола **невить. Худой, тощий — значит слабый, больной, неработоспособный, нежизнеспособный. Ср. болг. *слаб*, *мършав* 'худой'. Предполагаемый глагол **něviti должен быть каузативом и значить 'делать худым, слабым', 'мучить, утомлять, иссушать'.

Большой интерес представляет русск. диал. слово *поява* о незрелом человеке: «Иной человек худенькой, слабенькой. . . (разрядка моя. — В. М.). Вот про него и говорят: «Ух ты, *поява!*» (перм.)¹⁹. Это слово по семантике совпадает с указанным выше, и мы условно реконструируем его, как **poněva*²⁰.

Соответствий в других славянских языках нет, но они обнаруживаются за пределами славянского. Это лит. *neivà*, *naivà* 'высыхание, похудание от болезни', 'состояние, когда человек чахнет без видимых признаков болезни', *neivoti* 'мучить, изнурять', *naivoti(e)s* 'хворать, болеть', *naivuti* 'мучить, убивать'²¹.

Показательно абсолютное совпадение формы и семантики русских и балтийских лексем. Это доказывает древность русских слов и правомерность их отнесения к праславянской эпохе. Существование лит. глагола *naivuti* 'мучить, убивать' делает более убедительным наше предположение о возможности слав. **něviti 'мучить, изнурять'. Последний в свою очередь должен был быть образован от имени **něva 'мучение, болезнь'. Отношения семантические должны быть таковы, как в *порча* — *портить* — *порченный*.

¹⁷ А. Погодин. Следы корней-основ в славянских языках. Варшава, 1903, стр. 221.

¹⁸ Фасмер III, стр. 54.

¹⁹ Соликам. словарь, стр. 483.

²⁰ Не исключено, что к этой же группе слов относится курское *мява* об. человек непроворный, ненаходчивый (Дополнение к Опыту, стр. 121), если предположить, что *мява* < *нява* < *něva, ср. укр. *мавка* < *навка*. Возможно, что сюда же и архангельское *невёя* 'лихорадка'.

²¹ К. К. Буга. Балтийские (айстийские) этимологии. — РФВ 1911, стр. 239—240; F g a e n k e l, стр. 479, без славянского материала.

Дальнейшие связи балтийских (а следовательно, и славянских) слов, по мнению Буги и Шпехта, определяются параллелизмом с и.-е. **nāi-*, *nai-*, *nī-* 'мучение, смерть' (ср. праслав. *naviti/nyti, navь*).

тоща

Печорские былины содержат любопытную архаичную лексику. Описывая подвиги киевских богатырей, авторы былин подробно характеризуют и их вооружение. Это тугой лук, каленые стрелы, копье бурзомецкое и палица б;евая. Эти детали повторяются из былины в былину, и только в одной, на месте боевой палицы стоит слово *тоща*. Это былина «Данило Борисович»:

«Говорит тогда Данило сын Борисович:
«Уж вы ой еси, робята добры молодцы!
Я забыл-де ведь дома да *тощу* менную (=медную. — В. М.),
Тощу менную-де — палицу б;евую»²².

Наличие этого слова только в одной былине может говорить как о новообразовании, так и об архаизме. Необходимость уточнить значение слова (тоща медная это палица б;евая) скорее говорит о том, что перед нами архаизм или старый диалектный вариант названия палицы.

Во времена, которые описывают былины, боевая палица была металлической. Ср. выше определение: — *медная* и еще:

«Кабы брал-ле в руки палицу *железную*»;
«Пошел он сперва к кузнецу, ко мастеру,
Сковал сперва *палицу* б;евую»;
«На *тощи* ведь подпись есь подписана,
Але подрезь есь подрезана,
Але каким она кузнечем да, право, роблена,
Але сколько весу-она описана»²³.

Значит, не только она выкована, но на ней есть еще и клеймо мастера.

Слово *тоща* в русской лексике стоит изолированно, в этимологической литературе не упоминается. В тихвинских говорах Новгородской области записан глагол *тоснѹть* 'ковать'²⁴, который, на наш взгляд, связан с именем *тоща*. Тихвинские говоры относятся к архаичной в отношении лексики группе говоров. Связь новгородских говоров с печорскими несомненна: первыми поселенцами Усть-Цильмы, где записаны былины, были новгородцы: Ивашко Ластко и товарищ его Власко в 1542 г.

²² Н. Е. О н ч у к о в. Печорские былины. — Зап. РГО по Отд. этногр. 1904, т. XXX, стр. 214.

²³ Там же, стр. 221, 81, 215.

²⁴ Н. С о к о л о в. Поездка в Тихвинский у. Новгород. губ. Словарик говора д. Пешневы. — РФВ, т. LXII, 1909, стр. 296.

Таким образом, мы можем считать слово *тоца* древним новгородским диалектным названием палицы. Отношения *тосnúть* 'ковать' — *тбóца* 'выкованная металлическая палица' выражают отношения действия и его результата.

В сербохорватских диалектах есть слово *тýска* 'вытопки, выжарки'²⁵. Любопытно, что слова со значением 'шварки' обычно означают и 'шлак, окалину при ковке'. Ср. *шквара* 'выжарки' и 'шлак', чеш. *škvár* 'шлак'. В словаре Скока слово *тýска* отсутствует. Если это слово исконно, то оно может рассматриваться как родственное русск. *тоснуть* и *тоца*.

Более далекая этимология заставляет нас отнести эти лексемы к и.-е. *(s)teu- 'бить, ударять', ср. греч. τόχος 'молот', на праславянском уровне они должны быть представлены в виде *тъsknǫti, *тъšča (< *tǫskja*)²⁶.

рягаться

В Мошенском районе Новгородской области записан глагол *рягаться* 'трепыхаться'²⁷. Этот глагол доказывает существование в русском языке корня **ręg-*, до сих пор не засвидетельствованного. Значение слова очень своеобразно: 'трепыхаться', т. е. 'биться, бить крыльями (о птице)' или 'колебаться, развеиваться (о предметах в воздухе)'. Последнее значение позволяет понять польское диалектное слово *rzeżowisko* 'трясина, болото'²⁸ < праслав. *ręževišče с корнем **ręg-* 'трястись, колебаться'; ср. такие названия болот, как *трясина* к *трясти*, *зыбун* к *зыбать*, *дрягва* к *дрягать*, *качь* к *качать* и т. д. Кроме того, значение 'колебаться' позволяет установить формальную связь между глагольной основой *ręg-* и прилагат. *ręgъjь 'стройный, гибкий', сохранившемся в кашубско-словин. группе говоров. Ср. кашуб. *ręg* 'стройный', словин. *ręgi* 'стройный, гибкий'²⁹. Перед нами очень своеобразная семантика корня *ręg-/ręg-*, получившая свое развитие в новгородских и кашубско-словинских говорах.

В славянских языках производные от корня *ręg-/ręg-* выступают в значениях 'бить, ударять', 'рубить', 'трескаться'. Ср. ст.-слав. *рѣгнѣти* 'зиять', словен. *ręgniti* 'трескаться' («*gana je regnila*» — треснула, разошлась), *režati* 'зиять, быть открытым', *ręga* 'трещина, щель', 'насечка, зарубка', 'полоса', 'гримаса', с.-хорв. *reška* (< *režka*) 'трещина', русск. череп. *ряжка* 'обрубок дерева'³⁰. Гипотетически мы можем восстановить праславянский инфинитив

²⁵ I v e k o v i ć—B r o z II, стр. 606.

²⁶ Естественно возникающая мысль о связи *тъsknǫti* 'бить, ковать' с общеславянским *тъšč 'пустой, полый' и его многочисленными производными очень привлекательна, но требует дополнительных материалов и доказательств.

²⁷ Картотека Новгородского ГПИ.

²⁸ J. M a c i e j e w s k i. Słownik chełmińsko-dobrzyński. Toruń, 1969, стр. 30.

²⁹ S u c h t a II, стр. 301; L o r e n t z Sł. II, стр. 932.

³⁰ Г е р а с и м о в, стр. 76.

regti со значением 'ударять, бить', 'рубить', от которого образованы производные отглагольные имена ***reġa 'полоса (как след от удара)', 'трещина', 'зарубка, насечка', ***reġьka** 'трещина', 'обрубок'. Существование в праславянском глагольных форм **reġnŋti** и **reġati** не вызывает сомнений.

Имя ***rŋgъ** и производный глагол ***rŋgati**, уже в праславянский период широко используемые для обозначения отрицательного отношения, первоначально, по-видимому, имели конкретный смысл. Имя ***rŋgъ**, обозначающее насмешку, поругание, значило и оскорбление действием, т. е. побои и пр. Славянские языки предоставляют для такого толкования достаточный материал. Ср. в первую очередь болг. **rъgam** 'бодать', 'пырять (ножом)', др.-русск. ружный 'безобразный, обезображенный': «Ланитѣ видѣти ржжнѣ сжшти (Гр. Наз. XI в. 270)³¹; русск. **поруганной**, **испоруганной** 'испорченный, сгнивший': «Потопилсе сердешной, река-то как спала, так и нашли его в тине и в болотине всего **испоруганного**» (арх.)³²; **изругать** 'испортить' (устюж.)³³, **изругаться** 'испортиться, изломаться'³⁴. Ср. семантику таких слов, как **наруга**, **поруга**, **уруга** в белорусском языке, означающих не только оскорбление, но и побои, мучение, пытку: «Еткую **паругу** чылавец піранёс; білі, калолі ў пяты — ні дывядзі бог, што пірацярпеў»³⁵. Значения же 'насмехаться, глумиться, издеваться, браниться' мне представляются обособившимися из более емкого значения 'оскорблять словом и действием'. Такое понимание первоначальной семантики глагола ***rŋgati** ставит его в тесную связь со значением реконструируемого глагола ****reġti**.

На этом фоне семантика рассмотренных выше слов ***reġati se** 'колебаться', ***reġeвише** 'болото', ***rŋgъ** 'гибкий, стройный' представляется оригинальной. Наиболее близкие формы мы обнаруживаем в балтийских языках: ср. лит. **reŋgti** 'готовить, устраивать', 'одевать, раздевать' из первоначального ***ogibati** (ср. русск. **облока́ться** 'одеваться', **огибка** 'одежда'), **rangyti** 'изгибать, завивать', **rangùs** 'ловкий, гибкий'³⁶. Мы видим здесь не только соответствия, но и отражение первоначальной семантики индоевропейского корня ***ġer-**, к которому восходят все рассмотренные выше слова³⁷.

недоскитить

Среди слов, записанных в ладожских говорах, обращает на себя внимание лексема **недоскитить** 'не уметь, не смыслить'³⁸.

³¹ Срезневский III, стб. 188.

³² Подвысоцкий, стр. 133.

³³ Н. Чернавский. Об особенностях языка в г. Устюге и в Устюжском уезде Волог. губ. — ЖСт., 1898, вып. III—IV, стр. 452.

³⁴ Опыт, стр. 74.

³⁵ Бялькевич, стр. 316.

³⁶ Niederman—Sen—Bender—Salys III, стр. 537, 501.

³⁷ Роконю, стр. 1154.

³⁸ Н. Кедров. Материалы лексикографические по Новгородским говорам. Слова ладожские. — ЖСт., 1898, вып. III—IV, стр. 403.

В этом глаголе легко выделить отрицательную частицу *не-* и префикс *до-* (ср. *недодумать*, *недоделать*, *недотянуть* и т. д.) Мы вправе реконструировать глагол ****скитить** с условным значением 'уметь, смыслить', с условным, поскольку в сфере обозначения умения и неумения широко используются вторичные экспрессивные формы. Глагол ****скитить** нигде в русских говорах не зафиксирован; естественно, он не фигурирует в научной литературе. А между тем аналогичные глаголы существуют в чешском, словацком, верхнелужицком, нижнелужицком и сербохорватском языках. Ср. н.-луж. *poškišiš* 'подать', в.-луж. *poskicić* 'поднести, подать, предложить', *skićić* 'угощать', 'предлагать', 'подносить', 'давать', чеш. *skýtati* 'давать, предоставлять', *poskytati* 'доставлять, предоставлять', *naskýtati* 'предоставлять', *vyskytati se* 'встретиться, познакомиться, появиться', ст.-чеш. *skýsti* 'предлагать'³⁹, словц. *skytat'* 'предоставлять (убежище, зрелище, удовольствие)', с.-хорв. *skitati* 'протягивать, подавать', *poskititi* 'протянуть (руку)', 'дать', 'сказать (речь)'. В современном чешском и словацком языках эти глаголы носят книжный характер, но наличие их в говорах и в старочешском говорит об их исконности. В сербохорватском глагол отмечен в памятниках XVI и XVII вв.

Что касается этимологии слова, то она остается невыясненной. Курелац говорит лишь о соответствии сербохорватско-чешском.⁴⁰ Махек выделяет в глаголе *s-mobile*, а корень считает результатом метатезы $k - t < t - k$ и сравнивает с греч. $\tau\upsilon\chi\acute{\alpha}\nu\omega$ 'попадать', 'находить', 'достигать'⁴¹. В словаре Скока глагол отсутствует.

Наличие русского глагола *недоскитить* существенным образом изменяет ареал праславянских **skysti*, **skytiti*. Отличия в семантике, по-видимому, должны помочь в выяснении этимологии слова. Современная семантика этого глагола в западнославянских языках во многих случаях откровенно вторична, не исключено влияние немецкого языка, ср. чеш. и словц. 'предоставить возможность' и т. п. В основе всех этих значений, как нам кажется, лежит представление о движении навстречу, действие во всех случаях предполагает участие как минимум двух лиц. Ср. 'протянуть (руку) кому-либо', откуда могло развиваться значение 'оказать помощь, поддержку' и т. д.; 'угостить', 'подать', 'предложить' откуда и 'предоставить' и пр. Приблизительно ту же семантическую эволюцию для этого глагола предполагает и В. Махек. В отношении семантики особенно интересны такие чешские формы, как *naskytnouti se* 'встретиться', *výskyt* 'появление'.

Обычно семантика глаголов, обозначающих встречное направленное движение, связана с такими представлениями, как 'найти',

³⁹ F. Šimek. Slovníček staré češtiny. Praha, 1947, стр. 167.

⁴⁰ Fr. Kurelac. Brojanica ili deset glagolskih znac. — «Rad» XV, 1871, стр. 89 и след.

⁴¹ Махек², стр. 551.

‘поймать, схватить’. Ср. при слав. *sъrětiti ‘встретить’ и *obrěsti* ‘найти’ лит. *surėsti* ‘поймать, схватить’. Эта модель позволяет нам связать в единую цепь западнослав. и с.-хорв. *skytiti ‘двигаться навстречу’ и русск. *skytiti ‘уметь, смыслить’. Значение ‘понять’ у глагола *pojeŕi развилось из значения ‘взять, схватить’; ср. еще отношения таких слов как *xvatati*, *xytiti* и *xytrъ* ‘умный, ловкий, умелый, хитрый’, *xystъ* ‘ловкость, сноровка, умение’ и т. д.

Во всех славянских языках существует глагол *skytati se, отличающийся удивительной устойчивостью формы и значения. Везде *skytati se значит ‘шататься, странствовать’, во всех языках этот глагол существует в возвратной форме. А между тем, мы наблюдаем обычно отношения пары глаголов: *шатать* — *шататься*, *слонять* — *слоняться*, *вихать* — укр. *вештатися* (вероятно, из *въštati se) и т. д. Таким образом, мы можем реконструировать глаголы **skytati ‘шатать, качать, колебать’ и *skytati se ‘шататься, странствовать’, что не противоречит и этимологии слова *skytati se, связанного с лит. *kutėti* ‘встряхивать’⁴² и восходящего к и.-е. *(s)kūt- ‘трясти’⁴³.

Существование в чешском и сербохорватском инфинитива *skysti дает возможность предположить, что *skytiti и *skytati могут рассматриваться как вторичные формы по отношению к *skysti.

Учитывая, что славянское *x* в ряде случаев восходит к *sk* через ступень *ks*, мы вправе включить в одно этимологическое гнездо такие лексемы, как укр. *xumати* ‘шатать, качать’, *xumатися* ‘шататься, качаться, колебаться’ и общеслав. *skytati se; др.-русс. *xumatи* ‘хватать, похищать’, ст.-слав. *xymити* ‘схватить’ и зап. слав. *skytiti; русск. диал. *xum* ‘догадка, сметливость’, общеслав. *xytrъ, укр. *xисткий* ‘колеблющийся, шаткий’, ‘способный, умелый, ловкий’ и русск. *skytiti ‘уметь, смыслить’.

Развитие семантики описываемых глаголов представляется следующим образом:

пища

В новгородских говорах сохранились еще два любопытных слова: *пищă* ‘частый лес’, *пищбра* ‘чаща, заросли’ (Мошен. р-н)⁴⁴.

⁴² Фасмер III, стр. 641.

⁴³ Роконгу, стр. 957.

⁴⁴ Картотека Новгородского ГПИ.

Близкую форму мы находим только в вятских говорах: *пѣшшой* нареч. 'насилно, насильственно'⁴⁵. Соответствий в других славянских языках нет. В этимологической литературе слово не упоминается, хотя есть все основания видеть здесь архаизм. Наречная форма представляет собою творительный падеж имени существительного, а ударение в наречии позволяет считать, что исходным было ударение на основе.

Этимологический анализ в данном случае лучше всего начать с установления словообразовательного ряда:

густой-гѣца   *чѣстый-чѣца*
пустой-пѣца   *нѣстый-нѣца.
чѣстый-чѣца

Мы реконструируем производящее имя прилагательное *нѣстый 'частый (о лесе)', не засвидетельствованное в славянских языках. Слова в значении 'частый, густой (о лесе)' семантически производны по отношению к глагольной основе 'набивать, напихивать', ср. отношения слав. *čestъ и этимологически родственного лит. *kemšù, kīmšti* 'набивать, напихивать'. Прилагательное *нѣстый точно так же, как *частый, густой* и т. д., исторически является страдательным причастием прошедшего времени. Для *čestъ реконструируется производящий глагол **česti, česq*⁴⁶, для *čistъ глагол **čisti, čidjǝ*⁴⁷. Для *pistъ мы вправе реконструировать производящую глагольную парадигму в виде **pisti, pьšq* с гипотетическим значением 'набивать, напихивать'. Глагол с таким значением представлен в славянских языках в виде **рѣхати, рѣšq* и *рѣхажq*. Это итеративная форма, предполагающая существование в древности исходной глагольной основы *pisti, имеющей соответствие в лит. *pisti* и восходящей к и.-е. **peis-/pis-* 'толочь (зерно в ступе)'. Глагол *рѣхати представлен в славянских языках в следующих значениях: 'толочь (зерно в ступе)', 'толкать, пихать', 'бить, долбить (лед, дерево)', 'набивать, напихивать'. Материал по славянским языкам достаточно известен, поэтому нет необходимости его здесь приводить.

Имя существительное *пища*, сохранившееся в новгородских говорах, подтверждает существование в праславянском глагола *pisti и причастия *pistъ, которое находит соответствие в таких формах, как др.-инд. *pištá*, лат. *pistum* 'размолотый, истолченный (о зерне)'.

Слово *pišča, образованное в праславянский период и сохраняющее значение глагола, возникшее уже на славянской почве, образовано от причастия и глагольной основы индоевропейской древности.

Значение наречия 'насилно' объясняется из значения глагола 'толкать, пихать' с оттенком 'заставлять что-либо делать насильно'.

⁴⁵ В а с н е ц о в, стр. 210.

⁴⁶ ЭССЯ, вып. 4, стр. 106.

⁴⁷ Там же.

Рассмотренные выше семь русских диалектных слов представляют значительные трудности для этимологии из-за своей изолированности. Любопытно, что все они относятся к говорам Новгородской области или исторически могут восходить к таковым (олонецкие, печорские). Эти в некоторых случаях случайно сохранившиеся лексемы позволяют иначе представить ареал некоторых праславянских глаголов (*repati, pačiti, skytiti*), реконструировать для праславянского не отмеченные раньше лексемы (*tъsknqti, tъšča, něviti, pišča*), представить уникальную для славянского огласовку индоевропейского корня (*likovati se*).

Г. Ф. Одинцов

К ИСТОРИИ ДРЕВНЕРУССКИХ НАЗВАНИЙ МЕТАТЕЛЬНОГО КОПЬЯ

(*луца* и его варианты; *сулица, совь, копийце*).

Древнерусские копья принято делить на ударные (копье, рогаatina, оскеп) и метательные; история названий этих последних выяснена недостаточно.

1. *Луца* и его варианты

В старославянизированном написании *лоушта* название обнаруживается уже в Изборнике Святослава 1073 г.: «[Жена] очима полпзение, дшамъ пагуба, срцю лоушта»¹.

Обращает на себя внимание переводной и притом книжно-славянский характер древних памятников, в которых термин встречается (Златоструй, XII в., 14. — Картотека ДРС; Златая цепь, к. XIV в., л. 52 об. а, 53 об. а, 53а—б. — Картотека СДР; Библия Генн. 1499 г.; Великие Четии Минеи, XVI в. Окт. 19—31, 1552 и т. д.). По-видимому, *луца* (в виде *лоушта; лоуца(лѣца); лжча*. — Псалтырь толк. XII в., пс. CIV, 18²; *люца*. — Азбуковник конца XVI в.³; *льцта*. — Псалтырь, сп. XII в., рукоп. ГПБ⁴; *лучьша*. — Златая цепь,

¹ Срезневский II, стлб. 59.

² Там же, стлб. 56.

³ Л. С. Ковтун. Лексикография в Московской Руси XVI—начала XVII в. Л., 1975, стр. 289 (№ 359).

⁴ Miklosich LP, стр. 358.